

Глава 20. Экстра первого мира: Ворон

Впервые в жизни Е Байлан видел столько воронья.

Глаза разбегались. Каждый из них казался воплощением гордости и грозной стати: иссиня-черные, величественные, они плотным живым ковром укрыли ветви деревьев и кружили над его головой, застилая небо.

Не прошло и минуты — хватило пары десятков секунд, чтобы гиены, поджав хвосты, позорно скрылись в чаще.

На голову Байлана упало перо. Удар был почти неощутимым... таким же легким, как те робкие похлопывания по плечу, которыми Ци Цзю подбадривал его, пока они, объятые отчаянием, пробирались сквозь лесную глушь.

...

Тогда у Ци Цзю уже не осталось сил, чтобы гладить его по голове. Он лишь едва заметно касался его предплечья и негромко говорил. Байлан слушал и отвечал — раз десять, а может, и сотню. Он не смел оставить слова брата без ответа; боялся даже просто кивнуть — вдруг тот не почувствует движения через слои одежды?

— Е Байлан... — считал за него Ци Цзю. — Ты повернул налево девять раз. А направо — семь.

Ци Цзю прикинул пройденное расстояние, вычислил смещение от начальной точки и пришел к выводу: Байлан бежал по весьма «причудливой прямой». А значит, вернуться домой будет не так уж трудно — нужно лишь перестать кружить на одном месте. Достаточно просто развернуться и пойти по собственным следам.

Вернуться назад — значит вернуться домой.

Байлан чувствовал такую боль, что забывал, как дышать. Он что-то бессвязно лепетал, в последний раз пытаясь схитрить, вымолить у Ци Цзю хоть каплю жалости:

— Брат...

— Когда вернемся, — Ци Цзю прижимался к его спине, — хочу пельменей.

И Байлан больше не нашел в себе сил просить, чтобы тот позволил ему остаться здесь навсегда. Его сознание словно раздваивалось: одна часть умирала, чувствуя, как из тела по кусочку вынимают кости, а другая — парила где-то извне, покорно отвечая на слова брата:

— Хорошо, брат. С какой начинкой ты хочешь?

Выбор был непростым. Ци Цзю на мгновение задумался. Его грудь прижималась к вздрагивающей спине Байлана; дыхание и пульс становились всё слабее, всё призрачнее. Жизнь Байлана словно утекала вместе с ними. Он не смел громко говорить, не смел даже глубоко вздохнуть — лишь шептал:

— Брат... Брат, с какой начинкой?

Ци Цзю слабо улыбнулся и ласково потянул его за волосы:

— С такой... чтобы «студент Е Байлан» наелся досыта.

На этих словах Байлан перестал чувствовать собственные ноги. Спотыкаясь, он упрямо искал зеленую траву, ведомый лишь инстинктом, не смея медлить ни секунды. Но Ци Цзю пришлось остановиться. Сил, чтобы сопроводить его дальше, больше не осталось.

— Наешься и ложись спать. Весной бывают заморозки, одевайся теплее. Настанет лето — включай вентилятор и покупай себе мороженое. Осенью берегись простуды.

«И не подбирай всякую дрянь с земли» — это наставление Ци Цзю опустил, щадя самолюбие волчонка; тот и сам всё поймет.

— Волчонок... — прошептал Ци Цзю. — Расти сильным.

Байлан тяжело споткнулся и едва не рухнул на землю, вынужденный выпустить дерево, за которое цеплялся. Ему пришлось разжать руки, которыми он так отчаянно сжимал Ци Цзю. И рука брата безвольно упала.

...

И вот теперь Байлан сидел на земле, среди первой весенней травы, и прижимал к себе Ци Цзю. На его голову падали перья. Растерянно, лишь с нескольких попыток, он смог согнуть занемевшие пальцы и поднять одно из них. Перо оказалось безупречного, глубокого черного цвета. Он начал бережно собирать их, пытаясь украсить ими одежду Ци Цзю.

— Брат... — негромко позвал Байлан. — Гиены меня не тронули.

Его не съели и не загрызли — вороны спасли его. И он снова не смог остаться здесь вместе с Ци Цзю. Но куда ему теперь нести брата? Где найти место, в котором тому будет уютно и покойно... где он сможет превратиться в полярное сияние?

Ворон, сидевший на ветке, вдруг расправил крылья и с шумом взмыл в небо. Байлан поднял голову, глядя на кружащую стаю, и, посидев так еще немного, медленно поднялся, прижимая Ци Цзю к груди. Почти лишенный чувств и способности мыслить, он побрел вслед за черным облаком, пряча брата в своих объятиях.

Ведомый воронами, Байлан нашел подходящее место. А затем, всё так же следуя за стаей, вышел из леса. Ци Цзю был прав: его путь и впрямь оказался удивительно прямой линией. Если бы он только знал дорогу раньше... Если бы не тратил время, блуждая в трех соснах, возможно, они бы добрались до этой весны, когда Ци Цзю еще не уснул.

Байлан машинально сжал руки, но почувствовал пустоту — и в объятиях, и на спине. Это осознание лишило его последних сил. Он упал прямо у кромки леса и провалился в беспомощность, проспав до самой темноты.

Его обнаружил лесной патруль. Испуганные егеря бросились к нему, проверяя, жив ли он.

— Парень, ты как?! — один из лесничих тормошил его за плечо. — Слышишь меня? Говорить можешь?

В лесу нередко пропадали туристы, но такое они видели впервые. Бог с ней, с одеждой, превратившейся в лохмотья, но та смертельная усталость, что, казалось, пропитала его до самых костей, заставляла сомневаться: дышит ли он вообще?

Е Байлан был жив. Рассудок его был ясен, он мог говорить — но не хотел. Ему не о чем было беседовать с этими людьми. Сейчас ему нужно было домой: приготовить для Ци Цзю пельмени с той самой начинкой, от которой он «наестся досыта».

Он возвращался один.

С приходом весеннего тепла глава семьи Е вернулся в город Н. Тени прежних врагов, уже было решивших, что пришло время делить наследство, вмиг затаились после первого же торжественного приема, на котором появился Байлан.

Перед ними был не тот «Калека Е», которого они помнили — не загнанный зверь, готовый перегрызть глотку любому ценой собственной жизни. Байлан больше не нуждался в трости. Он всё еще немного прихрамывал, но походка его стала твердой и уверенной. Он держал спину прямо, словно и вовсе забыл о своем недуге.

Казалось, за время своего таинственного исчезновения он встретил кого-то, кто заново выходил его и за руку научил ходить.

На этот вечер Байлан пришел не один: его сопровождали телохранители и личный водитель. Ходили слухи, что он нанял даже профессиональных наемников, но на лице главы Е нельзя было прочесть ни капли правды. Он больше не скалился в ярости, и это пугало окружающих куда сильнее прежнего. Никто не мог понять, о чем он думает и что планирует; ни одна попытка завязать разговор не принесла плодов.

Сам же Байлан, казалось, вовсе не замечал косых взглядов. Он сидел в углу, неспешно нарезаая сочный стейк, выбирая лучшие кусочки и пододвигая тарелку к ворону, что сопровождал его. Сначала птица сидела у него на плече, но затем он бережно пересадил её на сгиб локтя. Байлан сосредоточенно гладил иссиня-черные перья и время от времени что-то тихо нашептывал, пододвигая к ворону бокал с клубничным мохито.

Байлан выглядел так, словно только что перенес тяжелую болезнь. Черный плащ подчеркивал его пугающую бледность и худобу; острые скулы свидетельствовали о долгой зиме, проведенной на грани жизни и смерти. Но никто не смел смотреть на него свысока или строить козни. Всем было ясно: эта таинственная болезнь сделала Е Байлана абсолютным и неоспоримым главой семьи.

Байлан покинул прием в самом разгаре. Он узнал всё, что хотел, и тратить время на пустую болтовню не собирался. Его никто не посмел остановить. Отказавшись от лифта, он решил подняться в квартиру пешком, продолжая тренировать ногу.

Пересадив ворона с плеча на руку, он вошел в дом и одним движением включил свет.

— Брат, — спросил Байлан, — с какой начинкой сегодня будем делать пельмени?

Он разложил перед птицей записки с вариантами, но в последний момент, когда ворон уже готов был клюнуть одну из них, передумал и отдернул руку. Байлан сел прямо на пол, достал блокнот и написал на новом листке: «Ты сегодня очень красивый».

Ворон воззрился на него долгим взглядом. Байлан упрямо сжимал записку, ожидая одобрения. Ворон тяжело вздохнул, трижды клюнул слово «красивый», подцепил листок и приклеил его Байлану на лоб.

Лоб мгновенно покраснел, но Байлан лишь улыбнулся, осторожно потирая место «удара». На его бледном лице впервые за долгое время появилось живое, почти детское выражение. Кончики его ушей тоже залил румянец. Приняв из клюва птицы баночку с мазью, он смазал лоб и наконец поднялся, направляясь к шкафу.

Он выбрал одну из рубашек Ци Цзю, засучил рукава и, дождавшись, пока ворон снова устроится на его плече, принялся за готовку. Пока нож мерно стучал по доске, измельчая начинку, Байлан вполголоса рассказывал птице о том, что видел и слышал на приеме. О том,

что бургеры в ресторанах всё еще невкусные, да и мохито совсем не тот.

— ...Я же говорил, что у тебя с методами обучения беда, — Ци Цзю, управляя вороном на расстоянии, чувствовал, как у него начинает болеть голова от болтовни волчонка. — Он что, объятий просит?

Системе было трудно реализовать такое через птицу. Но она не подвела: в последний момент смогла заполучить нужного ворона, и теперь они незримо всегда были рядом с Байланом. Трудно было сказать, в какой момент Байлан безоговорочно поверил в эту фантастическую реальность. В то, что живой человек может обернуться птицей. В то, что о Ци Цзю почти никто не помнит — не то чтобы его существование стерли из памяти, просто люди не осознавали, что той зимой Байлан был не один.

У него был старший брат.

Ци Цзю решил напомнить об этом волчонку. Стоило Байлану отвернуться к раковине, как он заставил ворона широко распахнуть мощные крылья. Тот обернулся и тут же получил крылом по лицу.

Система: «...»

Ци Цзю уже готов был «замести следы» и заставить всех забыть об этом казусе, но Байлан вдруг рассмеялся так, что едва устоял на ногах. Он обнял птицу, сползая на пол, и прижался щекой к гладким, черным перьям.

— Брат... Брат, обними меня.

Ворон, словно в приступе праведного гнева, начал клевать его в макушку. Байлан не переставал смеяться, хотя в его глазах блеснули слезы. Его лицо оставалось бледным, сколько бы он ни старался нормально питаться, и оттого глаза казались еще чернее и глубже.

— Когда я смогу прийти к тебе, брат? — шепотом спросил он.

Он осторожно коснулся пальцами ворона; в его голосе не осталось и следа той ледяной уверенности, с которой он держался на банкете. Байлан достал блокнот и едва слышно добавил:

— Можно мне прийти к тебе?

Ворон смотрел на десяток записок, на каждой из которых было написано короткое «Можно», и

не спешил с ответом. Байлан, словно осознав свою бестактность, поспешно добавил к каждой записке временные условия.

«Можно, когда закончится весна».

«Можно, когда пройдет лето».

«Можно, когда минует весна, лето и осень».

Он колебался, но продолжал писать, меняя времена года на годы: пять лет, десять, двадцать. У него был план на каждый случай. Труднее всего было представить двадцать лет — он узнал, что именно столько в среднем живут вороны. Если придется ждать так долго, он начнет готовиться прямо сейчас: пожертвует деньги на храм или купит хижину в той северной деревне, где видно полярное сияние. Он рассчитает каждый день, чтобы в этот раз они уснули вместе.

...Но тут Байлан понял, что этот выбор ставит Ци Цзю в неловкое положение. Он быстро сгреб все записки и запихнул их в карман. Поднявшись, он вернулся к готовке. Сегодня будут пельмени с морепродуктами, в следующий раз — с мясом, а потом он попробует сделать димсамы с креветками. Ци Цзю оставил ему пять миллионов; если тратить по пять юаней в день, этого хватит на целую вечность.

Байлан украдкой выщипнул у ворона перышко. Опешившая птица, не веря такой наглости, принялась гонять его по всей квартире, охаживая крыльями. Байлан со смехом уворачивался; в доме всё оставалось по-прежнему, так что препятствий было предостаточно. В пылу погони он зацепился за инвалидное кресло и рухнул на пол. Решив не вставать, он зажмурился и подставил лицо, ожидая, когда брат снова «приласкает» его крылом.

...Невесомое касание опустилось на его голову. Кто-то ласково погладил его по волосам, коснулся затылка. Байлан замер, его плечи мелко задрожали, в горле встал ком:

— Брат...

Он раскрыл объятия, пытаясь поймать пустоту. Он знал, что там никого нет, и лишь на мгновение задержал руки там, где подсказывала память, прежде чем снова потянуться к ворону.

У воронов много странных привычек: они любят собирать блестящие вещицы. Стоило Ци Цзю на миг отвлечься, как пуговицы на одежде Байлана оказывались под угрозой. Поэтому Байлан заменил все пуговицы на самые яркие и блестящие, какие только смог найти.

Почувствовав возню, он решил, что ворон снова пытается оторвать пуговицу на брюках, но обнаружил, что птица вытащила одну из его записок.

Ци Цзю выбрал ту, где было написано: «Нужно прожить хотя бы до конца осени».

Хотя бы весну, лето и осень. Байлан еще никогда не видел их глазами человека — так, как видел ту зиму, ведомый рукой Ци Цзю.

— А потом? — Ци Цзю, управляя вороном, пытался коряво писать слова, держа ручку в ключе.
— Ты уверен, что если эта книга внезапно закончится, Байлан сможет уйти?

— Разумеется, — отозвалась Система. — История рассказана, зачем герою оставаться на страницах?

Е Байлан был главным героем этой истории, и она подошла к концу. Они получили все бонусы и награды. Основной сюжет завершен; книгу можно закрывать на главе, где Байлан становится полноправным хозяином города Н.

Ци Цзю молчал.

— Многие души в Бюро перемещений в книги спаслись именно так, — продолжала Система. — Когда история заканчивается, они уходят. Блуждают в поисках тех, кого потеряли...

Байлан мог поступить так же. Он мог совершить настоящий побег вслед за Ци Цзю.

— Вот только... не факт, что ты его вспомнишь. Или узнаешь, — добавила Система. — Ты ведь снова запечатаешь память перед следующим миром?

Таковы были правила: после завершения миссии воспоминания блокировались до самого выхода на пенсию. Сбежавшие герои подчинялись тем же законам — многие из них забывали, ради чего отправились в путь.

Ци Цзю, управляя вороном, подтолкнул к Байлану листок с корявой надписью: «Да».

— Ты ведь можешь оставить себе ключевую фразу? — спросила Система. — Что ты выберешь на этот раз?

Ци Цзю заставил Байлана пойти на кухню и подлить воды в кастрюлю. Тот нехотя поднялся, и ворон устроился у него на плече. Птица по-человечески вздохнула, подцепила клювом салфетку и вытерла влагу у Байлана под глазами, а затем заботливо поправила ему воротник, чтобы тот выглядел достойнее. Ворон принял от Байлана пуговицу, которую тот так настойчиво предлагал.

— Я когда-то выходил одного волчонка, — ответил Ци Цзю.

<http://bllate.org/book/16113/1589956>